

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ТЕКСТЕ

СНЕГУОЛЕ ЛИБЕРЕНЕ

Вопросы, связанные с грамматической категорией времени, достаточно полно описаны синтаксисом предложения. Но при изучении значения отдельных грамматических форм времени неизбежно затрагиваются вопросы, выходящие за рамки синтаксиса отдельного предложения и делающие необходимым обращение к контексту. Кроме того, некоторые исследователи считают, что семантика глагольных времен, описанная в грамматике предложения, мало что объясняет в темпоральной организованности семантики связного текста [см.: Мордвинов, 1979, с. 214]. Так или иначе, проблема использования грамматических форм времени в тексте небезынтересна. При изучении текста раскрываются различные стороны функционирования грамматических времен.

Во-первых, наряду с анафорической и катафорической субституцией, союзами, частицами, видовой, временной и модальной структура предикатов выступает как средство связи предложений в тексте. Так, скажем, во французском языке, где преобладающей формой повествования является претерит, для вклинивающихся в повествование описаний полагается использование имперфекта; плюсквамперфект в таких текстах обозначает действия, совершившиеся ранее, чем те, о которых повествует автор. Так создается сеть грамматических форм времени, покрывающая весь текст и связывающая его в единое целое. Кроме того, в коммуникативной целостности текста глагольные формы играют также немаловажную роль. Напр., такая глагольная форма как претерит является формой, продвигающей рассказ о событиях; таким образом, коммуникативная прогрессия опирается именно на эту форму, так как она или сама является ремой, или входит в ее состав (как известно, темы скрепляют текст, а ремы движут его вперед).

Во-вторых, глагольные формы часто являются сигналами типа текста. Так, преобладание форм претерита свидетельствует о повествовательном типе текста; имперфект сигнализирует об описательной функции данного текста; серия инфинитивов или глаголов в повелительном наклонении позволяет сразу установить, что имеем дело с инструкцией, и т. д. Таким образом, наша текстовая компетенция опирается прежде всего на глагольные формы.

Внутри одного текста изменение преобладающей глагольной формы свидетельствует о конце одного сверхфразового единства и начале другого:

Le dernier croissant éclairait vaguement l'horizon... C'était l'heure froide qui précède le jour...

Des ombres glissaient dans les fourrés...; et parfois, un rayon de lune faisait reluire dans l'ombre une pointe d'acier.

Soudain, une voix tonnante hurla: „En avant!” [Maupassant, 1974. P. 153].

Здесь два первых абзаца глагольной формой имперфекта объединяются в одно описательное сверхфразовое единство; употребление претерита в последнем предложении сигнализирует о начале нового, повествовательного, отрезка текста.

В-третьих, многие особенности функционирования временной системы языка в наивысшей степени проявляются именно на уровне текста. Такие вопросы, как согласование времен, относительное употребление времен и другие, решаются только с обращением к контексту. Отмечаются и совершенно новые моменты в отношении грамматической категории времени: в тексте грамматическое время оказывается не единственным проявлением временной отнесенности высказывания, так как всегда сочетается с указанием на объективное время [Москальская, 1981. С. 113]. Изучая категорию времени на уровне художественного текста, некоторые исследователи приходят к выводу, что точкой отсчета времени в эпическом тексте служит не момент речи, так как это понятие в данном случае вообще теряет свой смысл, а действия, совершаемые персонажами художественного произведения, события, происходящие с ними; временная отнесенность вместе с локальной отнесенностью образуют единую локально-временную ось высказывания [Москальская, 1981. С. 112]. При постановке вопроса о текстовых факторах, формирующих темпоральную семантику в тексте независимо от грамматических значений форм времени, обнаруживается, что текст, как и высказывание, обладает специфической темпоральной парадигматикой [Мордвинов, 1979. С. 215]. При таком подходе к изучению темпоральной характеристики определенного текста наибольшее внимание уделяется изучению различных темпоральных показателей. Нас больше интересуют грамматические значения времени, особенно те, которые ярче всего проявляются именно на уровне текста. Применительно к французскому языку это относится в первую очередь к оппозиции претерита (*passé simple*) и сложного перфекта (*passé composé*). Как известно, форма претерита в живом, разговорном языке почти не употребляется; здесь ее место давно занято сложным перфектом. Но в литературной письменной речи претерит сохранился. Так, скажем, в повествовании основной глагольной формой является именно претерит. И хотя претерит чередуется с другими глагольными формами (имперфектом, плюсквамперфектом и др.), повествование продвигается именно благодаря этой форме. Е. Реферовская, изучая временной план повествования [Реферовская, 1983. С. 111–127], характеризует претерит как форму „объективного” повествования. Сложный перфект, наоборот, является „субъективной” формой, так как придает тексту личный, более интимный характер. П. Гиро, напр., заявляет, что даже тогда, когда автор пишет произведе-

ние художественной литературы от 1-го лица, он может употребить претерит, если это „я“ встает в позицию объективного наблюдателя. И наоборот, если рассказ ведется в форме 3-го лица, автор может выбрать сложный перфект, когда он отождествляет себя с этим „он“. Таким образом, использование претерита или сложного перфекта в произведениях художественной литературы является стилистическим приемом, позволяющим менять в любой момент оптику психологических отношений между автором и его персонажами [Guiraud, 1963. P. 108]. При преимущественном употреблении одной или другой анализируемой формы все произведение обретает определенную стилистическую окраску: объективную, порой даже суховатую в случае употребления претерита; субъективную, более интимную, живую, если употребляется сложный перфект.

Можно найти и другие объяснения употреблению претерита и сложного перфекта в текстах художественной литературы; но в любом случае основные их функции всегда вытекают из их системного значения. Системные значения этих форм лучше всего выявляются тогда, когда претерит и сложный перфект чередуются в одном тексте. Возьмем пример из одной новеллы Мопассана, где рассказ ведется от 1-го лица, но употребляется преимущественно претерит:

Donc, nous allions fêter les Rois, et nous étions très gais, très gais! Tout le monde attendait le dîner dans le salon, quand mon frère aîné, Jacques, se mit à dire: „Il y a un chien qui hurle dans la plaine depuis dix minutes...”

Il n'avait pas fini de parler, que la cloche du jardin tinta... Tout le monde en frissonna. Mon père appela le domestique, et lui dit d'aller voir... Quand l'homme revint, il affirma qu'il n'avait rien vu...

On se mit à table; mais nous étions un peu émus, surtout les jeunes. Ça alla bien jusqu'au rôti, puis voilà que la cloche se remet à sonner, trois fois de suite, trois grands coups, longs, qui ont vibré jusqu'au bout de nos doigts et qui nous ont coupé le souffle, tout net [Maupassant, 1974. P. 274].

Как видим, основная глагольная форма рассказа — претерит. Для описания ситуации используется имперфект, как это и полагается при повествовательном претерите. Но в конце фрагмента появляются два глагола в форме сложного перфекта. Какова же здесь функция данной глагольной формы, почему она вдруг приходит взамен целой серии глаголов в форме претерита? П. Имбс считает, что причина такого чередования данных форм кроется больше в стилистике, чем в грамматике, утверждая, что претерит выражает прошедшее действие, не имеющее никакой связи с настоящим и никаких последствий ему; сложный перфект передает прошлые события, которые находятся в „психологической близости“ от настоящего [Imbs, 1968. P. 103]. Таким образом, в нашем примере при помощи серии глаголов в форме претерита автор рассказа передает объективную последовательность событий; глаголы в сложном перфекте выражают такие состояния; ощущения персонажей, которые и в момент речи еще волнуют автора рассказа. Но, на

наш взгляд, эта оппозиция хорошо сочетается с грамматическим значением глагольных форм претерита и сложного перфекта. Презенс вспомогательного глагола сложного перфекта связывает форму с настоящим временем; отсюда ее употребление для выражения действий и состояний, имеющих последствия в настоящем; системное грамматическое значение претерита сводится к обозначению целостного действия, совершившегося в прошлом без связи с настоящим. Претерит и сложный перфект составляют грамматическую оппозицию, основное значение которой — выражение актуальности/неактуальности действия для момента речи [Гак, 1979. С. 215]. И хотя П. Имбс, анализируя чередование форм претерита и сложного перфекта, заявляет, что, сколько авторов, столько употреблений и сколько грамматистов, столько комментариев, мы склонны думать, что каждое такое конкретное употребление в речи одной или другой грамматической формы соответствует ее системному значению. Но в последнее время происходит сближение значений форм претерита и сложного перфекта; сложный перфект сейчас употребляется для обозначения прошедших действий без связи с настоящим [Реферовская, 1983. С. 145]. Это сближение грамматических значений анализируемых форм отражается в современной художественной литературе, где некоторые авторы употребляют их в роли грамматических синонимов. Напр.:

Je suis revenu à Montgion sans raison apparente sinon que Mira Watkine partait „changer d'air"... Elle me proposa de l'accompagner et soudain, je m'entendis lui répondre: „Impossible!” [Ascot, 1979, p. 32].

По-видимому, здесь оба времени чередуются с целью обыкновенного варьирования; имеет место нейтрализация оппозиции претерит/сложный перфект [Гак, 1979. С. 216].

Наряду с данной оппозицией в текстах художественной литературы наибольшее внимание привлекает оппозиция претерит (сложный перфект)/имперфект. О системных значениях претерита и перфекта мы уже говорили. Имперфект обозначает прошлое действие вне временных рамок. Считается, что имперфект представляет самую сложную для анализа временную форму [Гак, 1979. С. 216]. Не ставя перед собой цели проанализировать все многообразие употреблений имперфекта, мы коснемся только наиболее типичных случаев его использования в текстах художественной прозы. Основной функцией имперфекта является описание ситуации. Из этого следует, что в различных текстах описательного характера имперфект будет употребляться как основная глагольная форма: в повествовательных текстах при помощи имперфекта передаются детали, принадлежащие второму плану, являющиеся фоном основных событий. Это самое типичное употребление имперфекта, строго соответствующее его позиции в системе языка:

Je m'abstins, pendant quelques mois, de troubler la douleur de Bertaut... A la rentrée d'octobre, on le revît au Palais-Bourbon. ...Pour moi, je n'avais pas à me plaindre de lui. Nous dînions ensemble une ou deux fois par mois;

il me traitait avec une amitié bourruë qui ne me déplaisait pas. Mais il ne parlait jamais de sa femme... [Maurois, 1965. P. 173].

Комментарии основных событий, размышления о них, их анализ осуществляются при помощи глаголов в форме имперфекта:

- Cela ne s'est jamais fait, grognat-il en repoussant son assiette...
- Raison de plus pour commencer.

Il n'y pouvait rien: il avait une impression de déséquilibre, d'indécence presque. Il se sentait ridicule, assis là en tête-à-tête avec sa femme... [Simenon, 1975. P. 57].

Когда среди глаголов в форме имперфекта появляется глагол в форме претерита, то выраженное им действие или событие сразу выделяется из окружающих его обстоятельств как основное, продвигающее повествование:

Comme maman était drôle, contente et effarée! Et mes quatre petites cousines (la plus jeune avait six ans), elles ressemblaient à quatre poules autour d'un nid. On retira enfin de sa voiture l'enfant qui dormait toujours. C'était une fille... [Maupassant, 1974. P. 278].

При анализе употребления имперфекта в тексте следует обратить внимание на взаимодействие лексических и грамматических факторов. Неограниченность действия во времени, выражаемая имперфектом, проявляется наиболее четко при совпадении с лексическим значением неопределенности. Так, в нашем последнем примере оппозиция неограниченное/ограниченное время подкрепляется оппозицией неопределенных (être, avoir, ressembler, dormir)/определенных (retirer) глаголов. Асимметрия, несоответствие лексического значения глагола значению грамматической формы времени делает возможным стилистическое употребление имперфекта.

Анализируя использование глагольных форм в тексте, мы особое внимание уделили трем формам прошедшего времени, которые объединяются общей способностью фигурировать в художественной литературе в качестве повествовательных времен. Текстуальные их значения зависят от грамматических системных значений и их взаимодействия с другими факторами (с лексическими значениями глаголов, с употреблением других элементов).

FORMES VERBALES DANS LE TEXTE

Résumé

Les principaux emplois dans le texte des trois temps du passé que nous avons étudiés dépendent de la valeur spécifique de chacun d'eux. Le passé composé représente le processus à la fois révolu et encore présent à la pensée de celui qui l'énonce; le passé simple exprime le processus indépendamment

de tout intérêt actuel; l'imparfait évoque un continu temporel, c'est pourquoi il figure surtout dans les descriptions de toutes sortes, tandis que le passé simple et le passé composé sont des temps narratifs.

ЛИТЕРАТУРА

Гук, 1979 — Гук В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1979.

Мордвинов, 1979 — Мордвинов А. Б. Формирование темпоральной семантики в тексте рассуждения // Синтаксис текста. М., 1979.

Москальская, 1981 — Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981.

Реферовская, 1983 — Реферовская Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. Л., 1983.

Guiraud, 1963 — Guiraud P. La syntaxe du français. Paris, 1963.

Imbs, 1968 — Imbs P. L'emploi des temps verbaux en français moderne. Paris, 1968.

Maupassant, 1974 — Maupassant G. Contes et nouvelles choisis. М., 1974.

Maurois, 1965 — Maurois A. Une carrière et autres nouvelles. М., 1965.

Simenon, 1975 — Simenon G. Les Pitard. Paris, 1975.

Вильнюсский государственный
университет им. В. Капсукаса
Кафедра французского языка

Вручено
в ноябре 1987 г.